
СКАЗКИ ПРИКАМЬЯ

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1971

Собрал и обработал

А. СПЕШИЛОВ

Художник

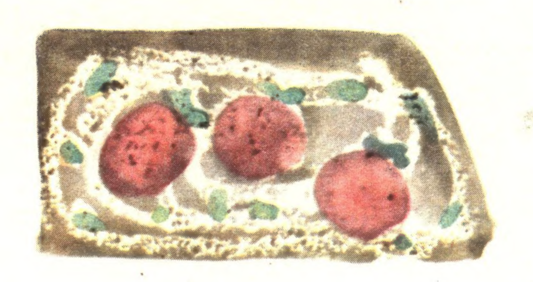
С. МОЖАЕВА

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО — 1971

СНЕЖУРОЧКА

Не было детей у старичков, и внуков не было. Невесело им было жить без детей-то. Они даже окна в доме заколотили. Однажды говорит старик старухе:

— Принеси снежку да положи его на печку под корчагу.

Старушка так и сделала. А на другой день у них из снега девушка Снежурочка родилась.

После зимы настало лето. К Снежурочке подружки пришли, стали просить деда:

— Дедушка, отпусти за ягодами Снежурочку.

— Пусть идёт,— согласился дед.

Когда пришли в лес на ягодные места, Снежурочка сразу полную чашечку ягод набрала — больше всех.

На следующий день приходят подружки.

— Дедушка, отпусти за ягодами Снежурочку.

— Пусть идёт,— отвечает дед.— Я не держу.

И в этот день Снежурочка скорей и больше всех ягод набрала.

На третий день подружки пришли опять.

— Дедушка, отпусти Снежурочку.

— Сегодня ей нечего делать в лесу,— заупрямился дед.— Пусть дома посидит.

— Отпусти, дедушка, отпусти, миленький! — пристали к старику Снежурочкины подружки. И сдался дед:

— Ну, уговорили. Пусть ещё сходит разок.

Снежурочка и в этот день больше всех ягод набрала — полную чашечку. Злые подружки из зависти отняли у Снежурочки ягоды, чашечку разбили, а саму Снежурочку под берёзкой схоронили.

Когда пришли домой Снежурочкины подружки, старики стали спрашивать их: где же Снежурочка?

— В лесу осталась, — ответили подружки. — Заблудилась, должно быть. Мы кричали — не откликнулась...

Всё лето искали старички в лесу свою Снежурочку, но так и не нашли.

Лежит девушка Снежурочка под берёзой в сырой земле. А на её могилке тростинка выросла. Шёл мимо прохожий, срезал тростинку и сделал из неё дудочку. Поднёс дудочку к губам, а та вдруг запела человеческим голосом:

Дяденька, потихоньку,
Свет-родной, помаленьку!
Меня подруженьки убили,
Под берёзкой схоронили
И земельку притоптали.
Мои ягодки разделили,
Чашечку разбили.

Пришёл прохожий в деревню и случайно остановился ночевать у старичков, у которых жила Снежурочка.

Рассказал прохожий про дудочку свою, что поёт она человеческим голосом. Не верят старики. Никогда они не слыхали о дудочке такой.

— Сами возьмите, поиграйте,—сказал прохожий и передал дудочку старику.

Только приложил старичок дудочку к губам, как она запела человеческим голосом:

Родимый, потихоньку,
Свет-родной, помаленьку!
Меня подруженьки убили,
Под берёзкой схоронили
И земельку притоптали.
Мои ягодки разделили,
Чашечку разбили.

Спрашивают старики прохожего, где он такую дудочку взял. Всё рассказал им прохожий и в лес повёл на то место, где он тростинку вырезал.

Стали копать землю и выкопали девушку Снежурочку. Она сразу ожила. И теперь живёт. Не нарадуются на неё старики.

СКАЗКА ПРО ДРОЗДА ЕРЕМЕИЧА

Жил-был Дрозд Еремеич. Свил он на дубе гнездо и выпарил трёх птенцов. Прибежала к дубу Лиса Романовна и запела:

— Этот бы дубочек спилить-срубить: сохи, бороны чинить да полозья гнуть! Дома Дрозд Еремеич?

— Дома, Лиса Романовна! — откликается Дрозд Еремеич.

— Отдай детёныша-птенца! Не отдашь — дуб хвостом ссеку и самого тебя съем.

Плакал, плакал Дрозд Еремеич и бросил ей птенца.

На другой день опять прибежала Лиса Романовна к дубу и снова поёт то же самое, второго птенца требует. Залился слезами Дрозд Еремеич и отдал ей второго птенца.

В то время мимо Дроздова гнезда пролетала Сорока Филипповна.

— О чём ты плачешь, Дрозд Еремеич? — спросила она.

— Станешь плакать-горевать, когда Лиса Романовна у меня двух птенцов унесла. Прибегает и поёт: «Этот бы дубочек срубить-спилить: сохи, бороны чинить да полозья гнуть. Отдай птенца, а не отдашь — дуб хвостом ссеку, а самого съем». Думал, думал я — и отдал ей птенчиков.

— Дурак ты, Дрозд Еремеич,—сказала Сорока Филипповна.—Ты бы ответил Лисе Романовне: если сможешь, сруби дуб да ешь меня. Ничего бы у неё не получилось.

Как только улетела Сорока Филипповна от Дрозда Еремеича, опять Лиса Романовна прибежала, уже за третьим птенцом.

— Отдай его мне, Дрозд Еремеич, не то дуб хвостом ссеку, а тебя самого съем.

— А секи да ешь!—ответил Дрозд Еремеич.

Стала Лиса Романовна хвостом дуб ссекать. Рубила, рубила—и хвост отпал. Заревела она и убежала прочь.

«Знаю,—подумала она,—кто научил Дрозда-дурака. Отплачу я этой тараторке Сороке Филипповне».

Прибежала Лиса Романовна в деревню да в первом же доме вымазалась тестом из квашни. Выбежала, мазанная, за околицу и легла на полянку. Налетели воробьи разные, вороны, сороки и давай клевать тесто со шкуры Лисы Романовны. Сорока Филипповна прямо на мордочку ей села—Лиса и поймала её.

Взмолилась Сорока Филипповна:

— Матушка ты моя, Лиса Романовна! Хоть как меня казни, только такой казнью не казни: в лукошко не сади. В лукошке-то мне будет страшно.

«Ага! Сама себе му́ку подсказала»,— подумала Лиса Романовна и посадила Сороку в лукошко.

А той только это и надо было. Выпорхнула она из лукошка и была такова.

РУЧНАЯ МЕЛЬНИЦА

Бедно жили старичок да старушка. У них даже хлеба не было — желудями питались. Раз пошли они в лес, набрали желудей, принесли домой и стали есть. Один жёлудь случайно выпал у старушки из руки и скатился в подполье.

Жёлудь пустил росток, стал дубок расти и вскоре дорос до пола. Старуха говорит:

— Старик! Надо пол-то прорубить, пускай дуб выше растёт. Как вырастет, не надо будет в лес ходить за желудями: станем их у себя в избе рвать.

Старик прорубил пол. Дерево росло, росло и до потолка выросло. Старик потолок разобрал, потом и крышу снял. Дуб всё растёт да растёт и дорос до самого неба.

Вот не стало у стариков желудей. Взял старик мешок и полез на дуб. Лез, лез и на небо взобрался. Ходил, ходил по облакам и видит: сидит петушок — золотой гребешок, маслена головушка, а рядом стоит ручная мельница. Старик поймал петушка, взял мельницу и спустился в избу.

— Чем будем кормиться, старуха? — говорит старик. — Желудей-то я не нашёл. Должно быть, они повыше растут, не добраться мне. Нашёл вот мельницу да петушка.

— Постой, постой,—промолвила старушка.—Я попробую мельницу.

Взяла мельницу и стала вертеть. И вдруг из мельницы посыпались блин да пирог, блин да пирог! Что ни повернёт—всё блин да пирог. Сама наелась старуха и старика накормила.

Ехал в ту пору господин мимо да и завернул к старикам.

— Нет ли,—спрашивает,—чего-нибудь поесть?

— Разве блинков?—сказала старушка и намолола для гостя блинков да пирожков.

Проезжий поел и говорит:

— Продай, старуха, ручную мельницу.

— Нет,—отвечает хозяйка.—Мельница непродажная.

Больше ничего не стал говорить о мельнице проезжий. Ночевать напросился.

Утром проснулись старики—и проезжего след простыл, и мельницы не оказалось. Поняли старики, что украдена их мельница чудесная, стали горе горевать. А петушок—золотой гребешок говорит:

— Я догоню вора.

Прилетел петушок—золотой гребешок к господскому дому, сел на ворота и запел:

— Ку-ка-ре-ку! Отдай, господин, мельницу!

А господин приказывает работнику:

— Эй, малый! Поймай петуха и брось в колодец.

Поймал работник петуха и бросил в колодец. Петух шлёпнулся в воду и стал приговаривать:

— Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду!—

И всю воду в колодце выпил. Снова прилетел к господскому дому, уселся на перилах и кричит:

— Ку-ка-ре-ку! Господин, господин, отдай мельницу!

Хозяин велел бросить петушка в горящую печь. Поймали его и прямо в огонь бросили, а петушку хоть бы что! Он скукарекал только и стал приговаривать:

— Носик, носик, лей воду! — И залил весь жар в печи. Вспорхнул, влетел прямо в господскую горницу и закричал:

— Ку-ка-ре-ку! Отдай мельницу!

У хозяина в то время гости были. Как услыхали они петушка, прочь побежали. Видано ли дело: петух по-человечьи заговорил! А за гостями и хозяин убежал.

Петушок — золотой гребешок схватил мельницу и улетел с ней к старикам.

КОЗОНЬКА

В старые годы один крестьянин купил на рынке козлушку — молодую козочку. В первый день пасти козлушку пошёл сын крестьянина. Покараулил он в лесу козлушку до вечера и, сытую, пригнал домой.

Вышел крестьянин на крылечко и спрашивает:

— Козонька, козонька, сыта ли ты? Поена ли?

Говорит коза, да так жалобно:

Я не сыта, я не поена,
Я по горкам скакала,
Я осину глодала.

Строго наказал отец сына. На другой день пасти козу послал дочь.

Вечером дочь пригнала сытую козу домой. Опять крестьянин вышел на крылечко и спрашивает:

— Козонька, козонька, сыта ли ты? Поена ли?

Я не сыта, я не поена,
Я по горкам скакала,
Я осину глодала.

И девице попало от сердитого отца.

На третий день пошла пасти козу сама хозяйка. Вечером, когда она пригнала козу домой, вышел на крылечко хозяин и спрашивает:

— Сыта ли ты, козонька? Напилась ли ключевой воды?

А коза как по-заведённому:

Я не сыта, я не поена,
Я по горкам скакала,
Я осину глодала.

Рассердился крестьянин на хозяйку. На следующий день решил сам пасти козлушку.

Целый день пас он её на самых хороших травах, в чистых ручьях поил. Вечером пригнал козу домой. Поднялся на крылечко и спрашивает:

— Сыта ли ты сегодня, козонька? Поена ли?

А коза ему в ответ:

Я не сыта, я не поена,
Я по горкам скакала,
Я осину глодала.

И прогнал крестьянин козлушку со двора.

ВОЛК И КРЕСТЬЯНИН

Жили в деревне старик со старухой. У них было семь овец, восьмой жеребёночек, да бык-пестряк, да кошка-судомойка, да собачка-пустолайка, паренёк да девушка — внук да внучка.

Изба у них стояла под горой. А на гору повадился волк ходить. Сядет на угоре и воет, будто песню поёт:

Хорош, хорош дворец!
Во дворе-то семь овец,
Восьмой жеребёночек,
Да бык-пестряк,
Да кошка-судомойка,
Да собачка-пустолайка,
Старичок да бабушка,
Паренёк да девушка.

Понравилась волчья песня старику, говорит он старухе:

— Иди отдай ему овечку. Хорошо поёт!

Отдали волку овцу. Он сожрал её и запел лучше прежнего:

Хорош, хорош дворец!
Во дворе было семь овец!
Восьмой жеребёночек,
Да бык-пестряк,
Да кошка-судомойка,
Да собачка-пустолайка,

Старичок да бабушка,
Паренёк да девушка.

Ещё больше понравилась старику песня. Отдал старик волку вторую овцу.

И началось с той поры. Каждое утро пел волк песню на угоре да расхваливал «богатство» стариков. Всех овец скормил ему крестьянин, и жеребёночка, и быка-пестряка и кошку-судомойку, и собачку-пустолайку, и внука, и внучку. Одна старуха осталась. А волк всё не унимается — поёт и поёт каждое утро:

Хорош, хорош дворец!
Во дворе было семь овец!
Восьмой жеребёночек,
Да бык-пестряк,
Да кошка-судомойка,
Да собачка-пустолайка,
Старичок да бабушка,
Паренёк да девушка.

Нечего делать — отдал и старуху свою, а волк всё поёт и поёт каждое утро.

«Сам к нему пойду!» — решил старик.

Вышел на угор, а волк цап-царап его и утащил в лес.

МОРОЗКО

Жил в одном селе крестьянин вдовый с дочерью. Задумал он жениться. Взял соседку, у которой тоже была дочь. Невзлюбила мачеха падчерицу и говорит мужу:

— Видеть её не могу. Увези в лес, иначе я сама от тебя уйду.

Горько было отцу лишиться дочери своей, но что поделаешь, пришлось согласиться.

— Садись,— говорит,— милая дочь, в сани.

Ехали, ехали они по большой дороге, выехали на маленькую лесную дорожку. Тут отец и высадил девушку из саней.

— Иди,— говорит,— милая дочь, куда хочешь.

Побежала девушка по лесной дорожке. Бежала, бежала и добежала до избушки. Вошла в избушку и стала в ней жить. Утром

скачет Морозко
по ельничкам,
по березничкам,
по частым боркам,
по веретейкам,

в окно стучит, спрашивает:

— Тепло ли тебе, красная девица?

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка,—отвечает ему девушка.

Принёс ей Морозко и хлеба, и живности всякой, всего принёс ей. На следующее утро

скачет Морозко
по ельничкам,
по березничкам,
по частым боркам,
по веретейкам.

— Тепло ли тебе, красная девица?—спрашивает.

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Принёс он ей шуб и постелей и всего-всего чего надо. И на третье утро

скачет Морозко
по ельничкам,
по березничкам,
по частым боркам,
по веретейкам.

— Тепло ли тебе, красная девица?

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Нанёс он ей золота и серебра и всякого-всякого богатства.

Посылает крестьянина жена:

— Поезжай, мужик, в лес. Вези домой свою дочь. В огороде похороним. Замёрзла, наверное, давным-давно.

Поехал крестьянин искать свою дочь. Ехал, ехал по большой дороге, свернул на маленькую дорожку и доехал до избушки.

— Ой, батюшка родимый! — обрадовалась девушка своему отцу. Напоила и накормила его.

— Милая дочь, — говорит отец. — За тобой ведь я приехал. Собирайся домой.

Дочь и говорит ему:

— Поезжай обратно, батюшка, да приведи больше лошадей. У меня столько имущества, что на одни сани не уложить.

Съездил отец домой, привёл кроме своей ещё трёх лошадей. Уложил он богатство дочери, её посадил на первую подводу и повёз в родное село.

Подъезжают к дому. Собака у них такая сердитая была, давай она лаять на всю деревню:

Тяф-тяф-тяф!
Крестьянин дочку везёт,
Животы в коробейках
Стучат да бренчат!

Выбежала злая мачеха на улицу с ухватом и стала бить собаку.

— Лай, — говорит, — что кости в лукошке стучат да бренчат.

А собака своё:

Тяф-тяф-тяф!
Крестьянин дочку везёт,
Животы в коробейках
Стучат да бренчат!

Позавидовала падчерице мачеха и пристаёт к мужу:

— Мужик! Вези и мою дочь в тот лес — она больше твоей девки разбогатеет.

Запряг крестьянин лошадку и повёз женину дочку в лес. Ехали, ехали по большой дороге, свернули в лес. Высадил крестьянин девушку и говорит:

— Иди куда хочешь.

Вот она побежала по дорожке, до избушки добежала. Переночевала в той избушке, а утром

скачет Морозко
по ельничкам,
по березничкам,
по частым боркам,
по веретейкам.

— Тепло ли тебе, красная девица?

— Холодно! Заморозил совсем меня ты, проклятый Морозко.

А он взял да ещё стужи прибавил. На другой день

скачет Морозко
по ельничкам,
по березничкам,
по частым боркам,
по веретейкам.

— Тепло ли тебе, красная девица?

— У! Заморозил меня, проклятый!

Морозко опять прибавил холода. На третий день

скачет Морозко
по ельничкам,
по березничкам,
по частым боркам,
по веретейкам.

— Тепло ли тебе, красная девица?

А та молчит, ничего не отвечает.

Прошло несколько дней. Злая мачеха говорит мужу:

— Поезжай, мужик, в лес на десяти подводах, вези домой мою дочь с богатством.

Запряг крестьянин с пяток лошадей и поехал. Ехал, ехал, доехал до лесной дорожки и свернул в лес. Привязал лошадь к крылечку и вошёл в избушку. А девушка лежит, как капустный кочан глубокой осенью, — закоченела от мороза. Крестьянин вынес её из холодной избушки, положил в сани, закрыл рогожей и повёз домой.

Подъезжает к дому, а собака так и лает, так и лает:

Тяф-тяф-тяф!
Крестьянин падчерицу везёт,
Кости в лукошке
Стучат да бренчат.

Выбежала хозяйка и давай бить собаку ухватом.

— Лай, — говорит, — что животы в коробейках стучат да бренчат.

А собака своё:

Тяф-тяф-тяф!
Крестьянин падчерицу везёт,
Кости в лукошке
Стучат да бренчат.

— Возьми, — говорит крестьянин, — дочь свою и закопай в огороде, а сама убирайся прочь из моего дома.

ДУРЕНЬ

Жил-был Дурень. Задумал он погулять по свету, чтоб людей повидать, себя показать. Отошёл версту-другую от своей деревни и видит три избы. Две пустые, и в третьей людей нет. Заглянул в подполье одной избы, а там черти. Усы у них — как вилы, руки — как грабли. Сидят, в карты играют. Молвит Дурень:

— Бог вам в помощь, добрые люди!

Схватили его черти и давай бить. Чуть живой он вырвался, прибежал домой, голосом воет. Мать стала его бранить, сестра ругать, жена тоже:

— Глупый ты, Дурень! Если бы ты сказал: «Будь трижды проклят, враг!» — черти убежали бы из подполья, а их деньги тебе бы достались.

Снова пошёл Дурень по свету — людей повидать, себя показать. Увидел Дурень: четверо братьев ячмень молотят. Подошёл к ним и говорит:

— Будь вы трижды прокляты, враги!

Бросились к Дурню братья и всего избили. Со слезами прибежал Дурень домой, рассказал, за что его побили братья. Мать стала бранить его, жена ругать, сестра выговаривать:

— Глупый ты, глупый, Дурень! Надо было сказать: «Бог в помощь».

В третий раз пошел Дурень по свету, чтобы людей повидать, себя показать. Увидел похороны. Сыновья отца хоронят и плачут горючими слезами. Подошёл к ним Дурень и проговорил весело:

— Бог в помощь!

До полусмерти избили Дурня за такие слова. А дома мать бранить его стала, сестра ругать, жена пенять:

— Надо бы тебе, Дурень, сказать: «Вечная память».

Когда кости у Дурня срослись, он снова пошёл по свету—людей повидать, себя показать. Встретил свадьбу весёлую.

— Вечная память вам,—говорит,—люди добрые.

Плетьми отстегали Дурня. Чуть жив приполз в свою избу.

— Глупый,—говорит ему мать.—Если бы ты сказал: «Любовно жить, детей плодить!»—они бы на свадьбу тебя позвали.

Вышел Дурень из избы и догнал старого человека. Говорит ему Дурень:

— Любовно тебе жить, детей плодить.

Рассердился старик и весь костыль обломал о Дурня.

Когда об этом рассказал Дурень своим, на смех его подняли:

— Надо бы благословения попросить у старца. Глупый ты, глупый, Дурень.

— Я в следующий раз так и сделаю,—сказал Дурень и пошёл гулять по свету.

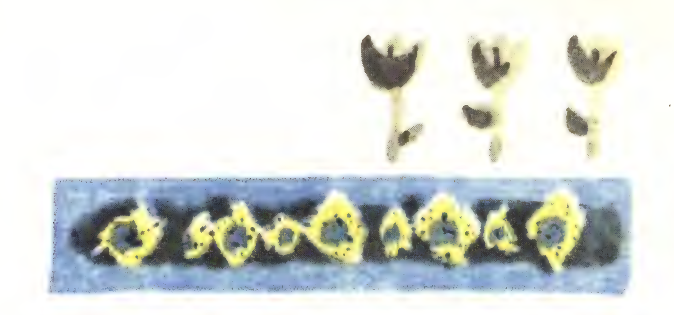
Проходя лесом, он увидел за сосной медведя.

— Благослови,—говорит,—меня, медведушка.

Подошёл медведь к дураку и давай его «благословлять».

Если бы не охотники, что отбили Дурня от медведя, не видать бы ему больше света белого.

КОТ, ПЕТУХ И ЛИСА

Жили Кот да Петух вместе, в одной избушке. Однажды осенью Кот стал собираться в лес дров нарубить. Говорит он Петуху:

— Ты, Петя, дома оставайся. Только не вздумай голос подавать, если к избе Лиса подберётся, в окошко не высовывайся.

— Сам знаю,—сказал Петух.—Не маленький.

Кот скрылся в лесу, а Лиса тут как тут. И запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка,
Сметанные ножки,
Выгляни в окошко:
На золотом половичке
Ребята катают яички.

Понравилась песня Петуху, подумал: «Как это ребята катают яички на золотом половичке?» Высунул Петух голову в окошко, а Лиса цап-царап его и потащила в лес.

Закричал Петушок:

Понесла меня Лиса
За тёмные леса,

За болота топкие,
За реки быстрые.

Не услышал Кот криков Петуха. Когда пришёл домой, заметил, что и след его простыл. Только лисьим духом пахнет.

Кот настроил гусли, прибежал к лисьей избушке, заиграл и запел:

Трень-трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Дома ли Лисафья-кума,
В своём ли тёплом гнёздышке?
У тебя ли, у Лисафьи-кумы,
Есть четыре милы дочери.
Старшая-то Чучелка,
Средняя Парачелка,
Третья-то Подай-челнок,
А последняя Разбей-горшок.

— Иди-ка, Чучелка,—говорит Лиса старшей дочери,— узнай, кто это так хорошо напевает да наигрывает.

Вышла Чучелка за ворота, а Кот поймал её да и столкнул под горку в лог. И снова запел:

Трень-трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Дома ли Лисафья-кума,
В своём ли тёплом гнёздышке?
У тебя ли, у Лисафьи-кумы,
Есть четыре милы дочери.
Старшая-то Чучелка,
Средняя Парачелка,
Третья-то Подай-челнок,
А последняя Разбей-горшок.

Средней дочери велит Лиса:

— Сходи на улицу, Парачелка, узнай, кто это так хорошо на гуслях играет, а поёт лучше того?

Как только показалась Парачелка на улице, Кот схватил её и столкнул под горку.

Третью дочь послала Лиса узнать, кто на гуслях играет, а потом и последнюю. И этих Кот столкнул под горку.

Ждала, ждала дочерей Лиса, так и не дождалась. Пришлось самой идти за ворота. И её поймал Кот. Бил, бил её и столкнул в лог под горку.

Вбежал Кот в избу. Петух закричал от радости:

Ку-ка-ре-ку!!!

КУРГУЗЫЙ ВОЛК

Бежал по дороге голодный волк. На лугу паслась лошадь. Волк подбегает к ней и говорит:

— Я тебя съем!

— Ну нет! — отвечает лошадь. — Меня ты не съешь. У меня есть охранная грамота.

— А ну, покажи. Где у тебя охранная грамота?

— К хвосту привязана. Подойди к задним ногам, прочитаешь, что в ней написано.

Волк подбежал, а лошадь как ударит его по зубам копытами — так тот на двадцать шагов отлетел.

Взвыл волк от боли и обиды и дальше побежал. Увидел в логу барана.

— Баран, баран! Я тебя съем.

— Съешь, пожалуй, — сказал баран. — Встань под горой да разинь пасть, а я поднимусь на гору, а потом разбегусь и прямо вскочу к тебе в пасть.

Волк так и сделал. Баран поднялся из лога, а потом как разбежится с горы да как ударит волка своим бараньим лбом — у того из глаз искры посыпались.

Дальше поплёлся волк себе пищу искать. Навстречу портной попался с железным аршином в руке.

— Портной, портной! Я тебя съем.

— Согласен, — говорит портной. — Только дай с родными проститься.

— Нет, не дам. Ты меня обманешь.

— Ладно, — сказал портной, — если ты такой нетерпеливый да недоверчивый — так и быть, ешь меня. Только дозволь измерить тебя аршином: влезу ли ещё в тебя-то?

— Меряй,—согласился волк.

Портной зашёл сзади, схватил волка за хвост, намотал хвост на руку и давай железным аршином утюжить серого!

Бился, бился волк, рвался, рвался, оторвал хвост—и давай бог ноги! Что есть силы бежит, а навстречу ему семь волков.

— Стой, приятель! Почему без хвоста?—спрашивают его.

— Портной оторвал.

— Где он?

— Вон, по дороге идёт.

Пустились волки за портным. Тот, видя погоню, полез скорей на дерево, залез на самую вершинку и сидит.

Прибежали волки, советуются:

— Начнём, братцы, доставать портного. Ты, кургузый, ложись на землю, а мы на тебя да друг на дружку вскарабкаемся, авось, и достанем портного.

Бесхвостый лёг на землю, на него другой волк полез, на другого третий... Всё выше и выше лезут. Видит портной беду неминучую, закричал сверху:

— Слезу с дерева, так никому так не достанется, как бесхвостому. Лапы оборву!

Кургузый волк как выскочит из-под волков—да бежать! Все остальные волки на землю попадали да за ним вдогонку. Нагнали—и давай рвать. Только клочья летят!

Портной слез с дерева и пошёл своей дорогой.

КОЗЁЛ И КОЗЛУШКА

Жил козёл с козлушкою. Пошёл он в лес за лыками, козлушка — за орехами. Козёл пришёл с лыками. Но

нет козы с орехами,
с буйною головкою,
с белою бородкою,
с тоненькими ножками,
с золотыми рожками.

— Берегись же, коза! — говорит козёл. — Я на тебя волков натравлю.

Отказались волки козу драть.

— Тогда я на вас, на волков, — решил козёл, — людей напущу.

Но не идут люди волков стрелять, волки не идут козу драть.

Нет козы с орехами,
с тоненькими ножками,
с золотыми рожками.

Надумал козёл натравить на людей медведя.

Не идёт медведь людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

«Погоди же! — думает козёл. — Я на медведя огонь пошлю».

Но не идёт огонь медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

Нет козы с орехами,
с тоненькими ножками,
с золотыми рожками.

Решил козёл огонь водой загасить.

Не идёт вода огонь гасить, огонь не идёт медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

— Не хочешь, вода, огонь заливать? Пригоню к тебе быков, пусть они выпьют тебя, — пригрозил козёл.

Но не идут быки воду пить, вода не идёт огонь гасить, огонь не идёт медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

Нет козы с орехами,
с тоненькими ножками,
с золотыми рожками.

— Ладно! — сказал козёл. — Напущу-ка я на быков дубы.

Не идут дубы быков бить, быки не идут воду пить, вода не идёт огонь гасить, огонь не идёт медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

И решил тогда козёл топор на дубы послать.

Но топор не идёт дубы рубить, дубы не идут быков бить, быки не идут воду пить, вода не идёт огонь гасить,

огонь не идёт медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

Нет козы с орехами,
с тоненькими ножками,
с золотыми рожками.

— На тебя, топор, я гору свалю, чтобы она тебя иступила,— пригрозил козёл.

Не идёт гора топор тупить, не идёт топор дубы рубить, дубы не идут быков бить, быки не идут воду пить, вода не идёт огонь гасить, огонь не идёт медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

Задумал козёл напустить на гору червей.

Но не идут черви гору точить, гора не идёт топор тупить, топор не идёт дубы рубить, дубы не идут быков бить, быки не идут воду пить, вода не идёт огонь гасить, огонь не идёт медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

Нет козы с орехами,
с тоненькими ножками,
с золотыми рожками.

Попробовал козёл послать гусей, чтобы они червей склевали.

Не идут гуси червей клевать, черви не идут гору точить, гора не идёт топор тупить, топор не идёт дубы рубить, дубы не идут быков бить, быки не идут воду пить, вода не идёт огонь гасить, огонь не идёт медведя палить,

медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

Послал козёл на гусей острые ножи.

Не идут ножи гусей резать, гуси не идут червей клевать, черви не идут гору точить, гора не идёт топор тупить, топор не идёт дубы рубить, дубы не идут быков бить, быки не идут воду пить, вода не идёт огонь гасить, огонь не идёт медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

Нет козы с орехами,
с тоненькими ножками,
с золотыми рожками.

«Ножи-то тупые»,—догадался козёл и принёс точильные бруски.

Бруски пошли ножи точить, ножи пошли гусей резать, гуси пошли червей клевать, черви пошли гору точить, гора пошла топор тупить, топор пошёл дубы рубить, дубы пошли быков бить, быки пошли воду пить, вода пошла огонь гасить, огонь пошёл медведя палить, медведь пошёл людей давить, люди пошли волков стрелять, волки пошли козу драть.

Пришла коза с орехами,
с буйною головкою,
с белою бородкою,
с тоненькими ножками,
с золотыми рожками.

ИСКОРКА

Жил царь. Услыхал он, что в соседнем, Змеёвом царстве есть лощёный щит — щит лощён. Днём он вместо печи греет, ночью светит вместо солнышка.

И разослал царь по стране гонцов, чтобы узнали, не согласится ли кто отобрать у Змея щит лощён. Но всем, даже самым могучим богатырям, было боязно идти в Змеёво царство. Услышал про это работник Искорка, пришёл он к царю.

— Я добуду тебе щит лощён, только дай мне для этого двенадцать молодцов, тринадцать соболей и тринадцать соколов.

Всё дал Искорке царь. И вот сели молодцы с Искоркой на соболей, пустили соколов и поехали.

Ехали, ехали и приехали к Змееву дворцу. Дворец обнесён стеной вышиною в семь вёрст. Вечером, когда стемнело, соколы перелетели через стену, открыли ворота и пустили Искорку с молодцами.

Вошёл Искорка с ними во дворец. Видит: висит на стене щит лощён и светит словно солнышко. А самого царя Змея дома нет.

Схватил Искорка свой меч-кладенец и говорит молодцам:

— Вы, ребята, ложитесь спать, а я буду стоять на карауле.

В полночь Искорка разбудил молодцов, говорит:

— Теперь ваша очередь стоять на карауле, а я спать хочу. — Лёг и захрапел.

Недолго караулили молодцы спящего Искорку: их сон сморил — они уснули как убитые. А на заре в Змеёв дворец прибежал злой лесной богатырь Пехтимка да и унёс щит лощён.

Проснулся Искорка, видит: спят его караульные, а щита нет. Ничего не сказал своим молодцам Искорка, только велел немедля садиться на соболей. Сели и поехали к Пехтимке.

Ехали, ехали и приехали в тёмные леса. В лесу стоит изба о трёх углах. Открыл Искорка дверь и видит: сидит Пехтимка в одном углу, а в другие два угла ногами упёрся. На стене под самым потолком щит лощён красуется. Искорка снял шапку, поздоровался:

— Здорово живёшь, Пехтим Иванович!

У Пехтимки брови, как копны сена, нависли над глазами, и он ничего не видит. Говорит своему работнику:

— Подними-ка мне брови.

Работник поднял их вилами.

Пехтимка увидел гостя, узнал.

— Добро пожаловать, Искорка. Садись на лавочку.

Искорка сел и говорит:

— Зачем ты, Пехтим Иванович, у меня щит лощён унёс?

Расхохотался Пехтимка.

— Не спи,—говорит, —долго. Почему долго спишь? Я тебе, пожалуй, и отдам его. Мне-то он совсем не нужен. Так, для красы. Только ты привези мне в жёны дочь царя Юнделя—Марфиду Юнделевну.

— Ладно, привезу,—согласился Искорка.

Искорка поехал один, молодцов своих у Пехтимки оставил. Едет лесом, а навстречу ему гораздый человек.

— Возьми меня, Искорка, с собой.

— А ты что горазд делать?

— Умею есть хлеб и всякую пищу.

— Ладно, поедем,—говорит Искорка.

Ехали, ехали. Из лесной чащи вышел другой гораздый человек и тоже просится в попутчики.

— Что умеешь делать?—спрашивает Искорка.

— Умею всякое питьё пить.

Тоже его взял с собой Искорка.

Через некоторое время опять попадается гораздый человек.

— Возьми, Искорка, меня с собой.

— Что делать горазд?

— Умею в бане париться.

Поехали дальше. Четвёртый гораздый человек встречается и просится в попутчики.

— А ты что умеешь делать?—спрашивает его Искорка.

— Умею из лука пестом стрелять.

Поехали впятером. Видят: пчёлы в дупло мёд носят. Гораздые захотели медком попользоваться, но Искорка строго-настрого запретил разорять пчелиный улей.

Дальше едут. Видят: ворона сидит на гнезде. И за неё тоже заступился Искорка.

Ехали, ехали и доехали до моря. Видят: лежит на берегу рыба щука и не может до воды добраться. Искорка слез с соболя и столкнул щуку в море.

Через год, через два приехали наконец к царю Юнделю. Обрадовался царь Юндель Искорке, велел баню истопить.

Пошёл Искорка со своими приятелями в баню, а к ней и подойти нельзя: каменка так раскалилась, что за версту жаром пышет.

— А кто у нас горазд в бане париться? — спрашивает Искорка.

Выступил вперед гораздый человек, который умел в бане париться. Забрался он на полок и давай себя веником хлестать. До того парился, что огонь в каменке погас, вода в кадке замёрзла.

Узнал царь Юндель, как гость в бане парился, и диву дался. Велел всех обедом накормить, вином да пивом напоить.

Сел Искорка с приятелями за стол, а на столе целые быки и бараны жареные, пива да вина целые бочки. Говорит Искорке царь Юндель:

— Всё это, гости дорогие, чтобы было съедено и выпито, а если не уважите меня, то за такую обиду и головы с плеч!

— Кто у нас горазд хлеб-соль есть, вино-пиво пить? — спросил Искорка

Как сели за стол те, что горазды есть и пить, так весь стол и очистили. Опять удивился царь Юндель, спрашивает тогда Искорку:

— Зачем вы, молодцы, ко мне пожаловали?

— Сватать твою дочь Марфиду Юнделевну за Пехтима Ивановича, — отвечает Искорка.

— Хорошо, — говорит царь Юндель. — Если укажешь, в котором она тереме живёт, отдам её за Пехтимку. — И показал Искорке семь одинаковых теремов.

Глядит на них Искорка да посвистывает. Вдруг прилетела ворона, села на один терем и закаркала. Искорка говорит:

— В том тереме живет царевна, на котором ворона сидит.

— Отгадал,—проговорил царь Юндель и повёл Искорку в терем.

В тереме спят семь девиц, и все друг на дружку похожие. Говорит царь:

— Укажи, которая царевна Марфида.

Тут прилетела пчёлка и села на щеку одной красавицы.

— Вот эта и есть царевна Марфида,—указал на неё Искорка.

— Верно,—говорит царь Юндель.—Придётся отдать её за Пехтимку, только пусть она приданое соберёт.

И стала Марфидушка приданое собирать, а его ни мало ни много семь городов, сто теремов, пятьсот табунов, а остальное—шелка да бархаты, серебро да золото да каменья самоцветные. Складывала она, складывала приданое, и всё уложила в яичную скорлупу. Сама ударилась о сырую землю, сделалась серой утицей, поднялась за облака и превратилась в звёздочку.

— А кто у нас умеет из лука пестом стрелять?—спрашивает Искорка.

Вышел вперёд гораздый человек, опустился на колено, прицелился и попал в звёздочку. Скатилась звёздочка с неба ясного и пала в синее море.

Взглянул царь Юндель на Искорку, рассмеялся в усы, промолвил:

— Как ты её возьмёшь, богатырь? Вон она какая!

Подошёл Искорка к морю и видит: плывёт по морю щука, а в зубах у неё золотое веретёшко. Взял его Ис-

корка, разломил пополам. Одну половину бросил за себя, другую — перед собой и проговорил:

— Вырасти за мною белая берёза, а передо мною царевна Марфида Юнделевна.

Так и сделалось. Пришлось царевне Марфиде ехать с Искоркой к Пехтиму Ивановичу.

Когда приехали они к Пехтимке, тому не захотелось отдать щит лощён, как уговаривались. Подвёл он Искорку к ущелью, через которое была переброшена тонкая жёрдочка, и говорит:

— Может быть, ты обижал в дороге мою невесту Марфиду? Если не обижал, так благополучно перейдёшь по этой жёрдочке, а ежели обижал — в пропасть свалишься.

— А может быть, ты обижал здесь моих молодцов? Докажи, что не обижал. Попробуй сам через ущелье по жёрдочке перейти.

Пехтимка согласился. Но только дошёл до середины, Марфида возьми да и столкни ножкой тонкую жёрдочку, и Пехтимка упал в пропасть.

Вот и всё! Марфида Юнделевна стала женой Искорки.

Взял Искорка щит лощён и поехал с молодцами да с молодой женой к своему царю. А тот был старый. Пока Искорка ездил за щитом, он уже умереть успел. Искорка стал самым главным в том государстве.

СИЛА ВЕЛИКАЯ

Давным-давно, когда на Урале не было ни заводов, ни шахт, в одном месте жили под землёй три страшных чудовища. Спускаться туда никто из людей не осмеливался, хотя тамошний царь и объявил: за того, кто уничтожит чудовищ, он свою дочь замуж отдаст.

Долго не находилось смелых богатырей. Наконец выискался один парень. Хочу, дескать, померяться силами с чудовищами подземными. Был он мал ростом, некрасивый, всё лицо в веснушках — царской дочери не по нраву.

Спустили парня под землю на верёвке и стали по очереди караулить, чтобы косточки его наверх вытащить. Никому не верилось, что он жив останется. А парень был себе на уме.

Увидел он в подземелье трёхголовое чудовище. Не дал парень опомниться страшилищу, сшиб с плеч все его три головы.

Вскоре попался второй хозяин подземелья. У этого было шесть голов. Но и с ним справился молодец.

А когда встретил третье чудовище, пришлось не силу, а хитрость применить. Было у чудовища девять голов, и

славилось оно могучим свистом. Как, бывало, засвистит под землёй, так на земле листья с деревьев валятся, горы трескаются. Вот молодец и повёл речь о свисте.

— Я,—говорит,—лучше тебя умею свистеть-то.

— Посвисти!—сказало чудовище.—Послушаю, как ты свистишь, хвастун.

— И посвищу! Только ты все свои глаза завяжи, а то как свистну—они у тебя из глазниц выскочат.

Чудовище согласилось. Молодец как свистнет его тесаком по всем головам сразу— и чудовище замертво повалилось.

Сел парень на липовую доску и велел царским слугам поднимать его из подземелья.

А слуги знали, что он не нравится царевне,—сбросили верёвку вниз и ушли. Понял молодец, что живым оказался в сырой могиле. «Да ничего,— вспомнилась ему отцовская пословица,—утро вечера мудренее». Лёг он на каменный пол и уснул.

Утром увидел кружку воды и каравай хлеба.

— Покажись, кто тут кроме меня живёт!—крикнул молодец.

Заколыхался воздух, засветились огоньки, и к ногам молодца села Жар-птица.

— Садись на меня, молодой богатырь,—сказала Жар-птица.—Вынесу тебя наверх. Ты победил подземных чудовищ, которые меня много-много лет держали в плену. Я, как и ты, хочу быть свободной.

Жар-птица взяла с собой еды на три года и полетела с богатырём на землю.

Летели, летели... Три года прошло. Уже свет дневной показался над головою, а есть нечего. Жар-птица последние силы теряет. И говорит ей молодец:

— Брось меня обратно в подземелье и одна на землю вылетай. Зачем тебе погибать из-за меня?

После таких слов у Жар-птицы появилась сила великая, и вылетела Жар-птица с молодцем на землю.

Пока молодец с чудовищами воевал да из подземелья выбирался, царевна вышла замуж за соседнего царевича.

— Не горюй! — сказала Жар-птица. — Не стоит тебя эта царевна. — И вдруг превратилась в красивую девицу.

Поженились они, стали жить-поживать да добра наживать.

УСЫ — УДАЛЫЕ МОЛОДЦЫ

Раньше усов и слыхом было не слыхать, и видом не видать. А нынче усы появились на Руси, в Новом Усолье у Строганова. Гордо они по городу похаживают. Шапки у них бобровые, верхи шапок бархатные, смурые кафтаны, синие чулки, черевики астраханские, рубахи красные, косые воротники.

Собрались усы у царёва кабака, сели в единый круг. Большой усище и всем атаман Гришка-Мурышка сам усом шевелит, сам слово говорит:

— Братцы усы—удалые молодцы! Лето проходит, зима настаёт, а ведь надо будет зимой кормиться. Беритесь-ка, усы, за свои промыслы. Мчитесь по кузницам, накуйте топоров да ножей по три четверти, сделайте бердыши да рогатины. Я богатого мужика знаю. Живёт он на высокой горе, сам землю не пашет, а хлеб продает да деньги в кубышку кладёт. Бедные мужики на него работают, землю ему пашут. Он пиво варит, а соседей не поит, прохожих людей ночевать не пускает, прямые дороги не показывает.

— К нему,—опять сказал Гришка-Мурышка,—надо идти умеючи: по полю идти—не посвистывать, бором идти—не покашливать, к его двору подходить—ногами не шар-

кать. У богача при доме злые собаки, ограда крепкая, ворота на запоре...

Пришли усы к богатому двору, стали за заборы хвататься, ворота ломать, а сам атаман в окно полез. Сел он перед хозяином и начал говорить, усом шевелить:

— А ну-ка, хозяин, поворачивайся! Дай нам, усам, попить, поесть и позавтракать!

Метнулся хозяин в большой амбар, принёс для усов пять пудов толокна, а его старуха притащила молока три ушата.

Стали усы толокно мешать и вдруг заметили в молоке лягушечку. Говорит атаман:

— Не брезгуйте, добрые молодцы. Лягушечка в молоке по-русски называется холодёнышей. От неё молоко всегда бывает холодным и в жару не портится.

Наелись усы толокна и говорят:

— Спасибо, хозяин, за хлеб-соль, за молоко с толокном овсяным. Накормил ты нас, теперь деньгами надели. Дай каждому усу по пятьдесят рублей, большому усищу — полтораста рублей.

Давай божиться богатый хозяин:

— Право, денег нет!

А его старуха договаривает:

— Ни полушечки.

А сын их — дурак — лежит на печи и говорит:

— Братцы усы — удалые молодцы! Есть у отца деньги. Он их много накопил, а мне не даёт.

Рассердился тут усище-атаман.

— Беритесь, — говорит, — усы, за свои промыслы! Ты,

Афанас, тащи богача до нас! Берите топоры, щепайте лучину, складывайте её посреди избы. Поджигайте! Ты, Агафон, вали хозяев прямо в огонь!

Испугался богатый человек, в большой амбар побежал. Принёс в избу кубышку с деньгами и бряк на стол!

— Вот вам, усы, по пятьдесят рублей, а большому атаману — полтора̀ста.

Поделили деньги усы и поклонились хозяину:

— Спасибо тебе за хлеб-соль, за молоко, за овсяное толокно. Накормил ты нас и деньгами наделил. Теперь сам ты должен землю пахать. Если узнаем, что живёшь по-старому, на высокой горе, снова к тебе в гости придём. И не прогневайся — тогда больше не жить тебе на белом свете!

СОЛДАТ И ЧЕРТИ

Служил солдат на царской службе двадцать пять лет, заслужил три сухаря и пошёл на родину. Идёт, а навстречу ему голодный человек попадается, молит от голода спасти. Отдал ему солдат один сухарь, себе оставил два.

Немного погодя солдат догоняет другого голодного человека. И этому дал сухарик.

Идёт дальше солдат, а навстречу ему ещё один голодный человек — старик. Бредёт, едва ноги передвигает. Последний сухарь отдал солдат и ни при чём остался.

Старик съел сухарь и спрашивает:

— Скажи, служивый, в чём нужда твоя?

— Мало ли в чём нуждается отставной солдат. Да что с тебя взять-то? У тебя у самого ничего нет!

— Ты не гляди, что я старый да убогий, — говорит старик. — Скажи только, чего желаешь, и я сумею тебя наградить.

— Если есть карты, дай на память.

Старик вынул из-за пазухи карты.

— Бери, — говорит. — С кем ни станешь играть в эти карты, всякого обыграешь. Возьми ещё мою торбу. Что ни встретишь на дороге, зверя ли, птицу ли, и захочешь

поймать — только распахни торбу и скажи: полезай сюда! — всё сделается по-твоему.

Поблагодарил солдат старика и пошёл по пути-дороге. Шёл, шёл и прямо к озеру пришёл, а на озере три диких гуся плавают. Солдат распахнул торбу и промолвил:

— Полезайте сюда, в торбу!

Снялись гуси с воды и влетели прямо в торбу.

Завязал солдат торбу и дальше зашагал. Вечером пришёл в город, зашёл в трактир и сказал трактирщику:

— Возьми гусей. Одного зажарь на ужин, второго возьми за вино, а третьего тебе за хлопоты.

Сидит солдат в трактире и угощается: выпьет винца — жареной гусятиной закусит. Вздумалось ему поглядеть в окошко. Видит: на другой стороне, на отлёте, стоит большой барский дом, а окна у него заколочены. Спрашивает солдат трактирщика:

— Почему такой большой дом пустой стоит?

— Видишь ли, — отвечает хозяин, — этот дом выстроил граф Шувалов под богадельню, а жить-то в нём нельзя.

— Почему? Зря такая казарма пропадает!

— Нечистая сила в нём. По ночам там черти собираются. Шумят, пляшут... Мы за пять улиц обходим этот дом. Из соседних домов давно все жители разбежались.

— Трусы! — засмеялся солдат. — Хочешь, я переночую в этом доме?

— Что ты, служба! Жизнь тебе, что ли, надоела? — говорит хозяин.

— Я двадцать пять лет царю служил да жив остался, а от чертей и подавно не умру...

Вечером солдат забрался в пустой дом и расположился в самой большой комнате. Снял с себя саблю и ранец с торбой, ранец поставил в уголок, а саблю на гвоздик повесил. Сел за стол, вынул кисет, набил трубку—покуривает себе.

В полночь набежало в дом чертей видимо-невидимо. Окружили солдата, прыгают, кричат, свистят.

— Зачем сюда пожаловал, служивый?

— Смир-р-на!—скомандовал солдат.—Я пришёл сюда не шуточки шутить. Кто хочет со мной в карты играть—садись к столу, кто не хочет—пошёл отсюда.

Сели черти за стол. Солдат стал сдавать карты. Раз сыграли—солдат выиграл, в другой—опять выиграл солдат. Сколько ни хитрили черти, сколько ни жульничали, а все свои денежки спустили солдату. Набросились на него:

— Разорвём! Бей его, лупи!

— Посмотрим, кто кого разорвёт,—спокойно сказал солдат и распахнул торбу.

— Видите, что это?—спрашивает.

— Торба,—отвечают черти.

— А ну, полезайте в торбу!

Столько чертей в торбе набралось, что ни повернуться им, ни вздохнуть. Когда ни одного чертёнка не осталось на свободе, солдат завязал торбу покрепче верёвкой и повесил на гвоздь, а сам спать лёг.

Утром пришли люди проведать, жив ли солдат, а он сидит за столом и трубку курит.

— Здорово, служивый! Ну, как ночевал? Как с чертями поладил?

— Что черти! Они у меня в торбе сидят. Приведите братцы, поскорей кузнецов с кувалдами. Пусть и наковальню захватят.

Пришли кузнецы, принесли наковальню. Солдат говорит им:

— Снимите с гвоздя торбу, положите её на наковальню да приударьте по торбе по-своему, по-кузнечному.

Стали кузнецы снимать торбу и говорят между собой:

— Ишь, какая тяжёлая. Черти, что ли, в ней напиханы?

А черти откликаются:

— Мы, батюшки кузнецы, мы, родимые.

Положили кузнецы торбу на наковальню да и давай по ней бить пудовыми кувалдами! Только чертячий визг идёт.

— Смилуйся, служивый! — завопили черти. — Выпусти на вольный свет. В этот дом мы больше ни ногой. Тебя самого за сто вёрст обходить будем.

Солдат остановил кузнецов. Когда он развязал торбу, черти так и прыснули во все четыре стороны. Без оглядки пустились в преисподнюю.

КОРОВА НА БАНЕ

После долголетней службы царской шёл домой служивый. В солдаты уходил молодым, безусым парнем, возвращался седым стариком. Не раз бывал на войне, в чужих странах, всю матушку Россию прошагал вдоль и поперёк. А сколько разных людей повидал! Умных и дураков, бедных и богатых, а такого нигде не замечал, что увидел в одном глухом месте, речь о котором впереди будет.

Идёт он однажды по степи. Жара стоит невыносимая. Пить охота, а воды нет. Вдруг низко над его головой пролетела уток стайка. «К воде летят», — сообразил служивый и зашагал в ту сторону, куда утки улетели. И вправду, утки привели его к озеру.

На берегу костёр, у костра люди. Они не сидят на месте, как полагается, а бегают взад-вперёд от костра к воде и обратно. Подбежит человек с красной головёшкой к озеру, бросит её в воду и обратно бежит к костру. Так вот и носятся как угорелые.

— Доброго здоровья, молодцы! — поздоровался солдат.

У костра поднялся маленький рыженький старикашка.

— Здорово, служивый, — ответил он.

— Что вы делаете?

— Уху варим, уху.

— Как варите? На костре-то ни котелка, никакой другой посудины.

— А прямо в озере.

— В озере?—удивился солдат.

— Озеро у нас богатое, рыбное,—стал объяснять старик.—Да ведь ловить-то рыбу—нелёгкое дело, да и времени нет, сам знаешь—страда. Мы и придумали общим скопом в озере уху варить.

— Что же? Варится ваша уха?

— Плоховато,—ответил старик.—Должно быть, соли мало положили. Ерёма!—позвал старик.— Давай в озеро ещё мешок соли.

Ерёма снял с телеги соль и высыпал в воду.

— Головёшки-то зачем в озере тушите?—спрашивает солдат.

— Какой бестолковый ты, а ещё служивый!—обиделся старик.—Не тушим мы головёшки, не тушим, а воду нагреваем головёшками-то. Гляди, как закипит вода, тогда и рыба сварится. Понятно?

Ничего не понял солдат и стал пригоршнями пить воду. А старик спрашивает:

— Как, по-твоему, водичка? Тёплая?

— Хорошая вода! Холодная, как в ключе,—ответил солдат.

— Не пойму, почему она холодная,—промолвил старичок.—Давно должна быть горячей. Мы два старых амбара сожгли, все угли в воду сбросали, а она всё ещё холодная. Не к добру это... Прытче бегайте, ребята!—крикнул он на своих помощников.—Не давайте водичке остывать.

Подивился солдат и отправился в деревню, которая невдалеке маячила.

На околице он услышал крики:

— Давай, давай! Тяни, Емеля! Не отпускай вожжу!

Солдат ускорил шаги. В огороде около старой бани толпился народ, лежала в крапиве связанная вожжами корова.

— Доброго здоровья, народ честной! — поздоровался солдат.

Никто не ответил на приветствие. Только одна старушка сказала солдату:

— Ты не мешай. Не видишь, что ли, у нас помочь.

— Какая помочь?

— На бане у Емели трава выросла. Вот мы помочью и поднимаем на баню бурёнушку, чтобы она съела траву-то.

— Довольно корову мучить! — обозлился солдат. — Кто здесь хозяин?

— Я хозяин, — откликнулся сам Емеля. — А тебе что надо?

— Научу, как корове траву скормить.

— Ой, научи, служивый. Мы с утра с коровой маемся, а поднять непосильно.

— Давайте косу или серп в крайнем случае.

Принесли солдату ржавую «горбушу». Он полез на баню, быстро скосил всю траву и бросил корове.

— Что хочешь, то и проси, солдатик, за свои труды, — сказал Емеля.

— Ничего не надо, — ответил солдат. — Я есть хочу.

И всей деревней повели солдата в гости к Емеле.

Когда подошли к Емелиным хоромам, хозяин сказал:

— Ты, служивый, посиди пока здесь, на брёвнах около избы. Вначале мы сами пообедаем, а уже потом тебя угостим. Не обессудь — у нас такое правило заведено.

Сел солдат на гнилые брёвна около избы и стал ждать. Чуть не полдня прошло, солдат трубок десять махорки выкурил, а его всё ещё не приглашают. Надоело ему ждать, и он сам, без зова, явился в избу.

На большом столе в переднем углу посудина вроде таза, с похлёбкой. За столом Емелина семья: бабушка да дедушка, да сам, да жена, зятья да снохи, да малые ребята — всех не перечтёшь. Семья порядочная, а ложка одна. Хлебают по очереди. Черпнёт один ложкой, опрокинет в рот, а ложку на полати бросит.

За ней другой лезет на полати, сядет к столу, хлебнёт похлёбки, а ложка снова на полати летит. Так вот и бегают дурни от стола к полатям и обратно.

«Пока дождёшься, когда они наедятся, так с голоду умрёшь», — подумал солдат и достал из-за голенища свою солдатскую ложку.

Очень хорошо знал служивый, что жить на свете без смекалки да без разума — всё равно что не жить.

ДОГАДЛИВЫЙ СОЛДАТ

Было это в девятьсот пятом году во время войны с японцами. Одного офицера послали с солдатами в разведку. Идут они лесом и видят: стоит столб с доской, а на доске буквы — ЕОНЧКСНБСД.

Долго думал офицер и не мог додуматься, что означают эти таинственные буквы. Тогда один старый солдат и говорит:

— Я знаю, что написано на доске.

— Что? — строго спрашивает офицер. — Говори скорее!

— На доске написано, — отвечает солдат, — «Если Отступить Назад Четыре Косых Сажени Найдёшь Большую Сумму Денег».

Офицер приказал отмерить назад четыре сажени. Отмерили и стали землю копать, и выкопали богатый клад. Офицер, конечно, весь клад себе заграбастал, а солдатам не дал ни копеечки.

Рассердился старый солдат и подал в суд жалобу на офицера.

На суде спрашивают солдата, как дело было. Тот ответил, что не офицер, а он сам разгадал буквы, потому

клад принадлежит не офицеру, а солдатам. Они землю копали, а офицер только приказывал да папироски курил.

Спрашивают офицера, как дело было.

— Врёт солдат,—сказал офицер.—Где ему, деревенскому невеже, совсем неграмотному, разгадать такую задачу? Кто поверит?

— Что скажешь на это?—снова спрашивают старого солдата.

— Если его благородие такой умный, то пусть объяснит: что получится, если тайные буквы прочитать в обратном порядке?

Ничего не мог ответить на это офицер. Но судья снова, да с насмешечкой, спрашивает солдата:

— А ты можешь, серая пробка?

— Могу. Вот что значат эти буквы, если прочитать их в обратном порядке: «Деньги Сумму Большую Нашёл Солдат Казённый Человек Надо Отдать Ему».

Клад отобрали у офицера и старому солдату отдали, а он деньгами с товарищами поделился.

ГЛАЗА ЗАВИДУЩИЕ, РУКИ ЗАГРЕБУЩИЕ

В церкви святого Николы служил поп. Глаза у него были самые поповские, завидущие. Служил он Николе несколько лет, немало богатства награбил, а всё ему мало. Собрал поп ключи церковные, поглядел на икону Николы, ударил его по плешивой голове ключами и пошёл искать другой приход, богатый.

Шёл он, шёл путём-дорогой. Догоняет его незнакомый старичок.

— Здравствуй, святой отец! — поздоровался он с попом. — Куда идёшь и откуда? Возьми меня с собой в товарищи.

Поп взял его в товарищи и вместе пошли. Шли, шли, устали и сели отдохнуть. У попа было с собой несколько сухариков, а у старика два калача. Поп говорит:

— Съедим вначале твои калачи, а потом за сухарики примемся.

— Хорошо, — согласился старик. — Съедим мои калачи вначале, а твои сухари на вечер оставим.

Стали они есть калачи, а те не убывают. Ели, ели, досыта наелись, а сколько было раньше калачей — столько и

осталось. Попу завидно стало. «Дай, — думает, — украду у старика такие чудесные калачи».

Старичок лёг на травку и уснул. А поп стянул у него оба калача да и съел их втихомолку. Проснулся старик и калачей хватился.

— Где мои калачи? — спрашивает старик попа. — Ты их съел?

— Ей-богу, нет! Мать святая икона, не ел я твоих калачей!

Отдохнули они и пошли дальше. Вскоре добрели до какого-то царства. Узнали, что у царя в том царстве дочь при смерти. Царь объявил: кто вылечит его дочь — тому полжитья-полбытья, полцарства, а не вылечит — голова долой!

Старичок-то, оказывается, знающим был, решил он вылечить царскую дочь. К дворцу пошёл, а за ним и поп увязался.

У дворца их встретили слуги царские.

— Что за люди? Что надо? Плетей захотели?

— Мы лекари, — говорит им старичок. — Можем вылечить царевну вашу.

— Если так, заходите во дворец.

Старик три дня лечил больную царевну, а поп в это время на царской кухне обжирался. Когда царевна выздоровела, старичок привёл её к царю, а поп уже там, в царской горнице.

Царь поставил перед ними сундук с серебром и золотом.

— Сколько хотите, столько и берите, — сказал царь

старичку и попу.– Вы вылечили мне дочь, для вас я ничего не пожалею.

Старичок стал брать золото щепоткой, а поп — горстью загребущей. Набил он золотом свои поповские карманы и спрашивает:

— А где же полцарства-то? Ведь обещано было.

— Ничего нам больше не надо, — сказал старичок. — И так получили лишнее...

Простились с царём они, с царевной и пошли своей дорогой. Шли, шли и дошли до другого царства. Поп узнал по секрету, что у этого царя тоже дочь больная, и тихонько-полегоньку удрал от старика да прямо во дворец, как настоящий лекарь.

Поп потребовал проводить его в отдельную избу, царевну туда перенести, заготовить воды ведра четыре. Заперся в избе и давай царевну лечить.

Дней десять прошло, а он всё лечит. У царя и терпение лопнуло. Пришёл в избу и видит: дочь по-прежнему больная, а лекаря и след простыл.

Стали искать его, самозванца. Нашли в кабаке и повели на казнь.

Ввели попа на первую ступеньку к виселице, а тут среди народа — тот самый старичок, настоящий-то лекарь. Подошёл он поближе к попу и спрашивает:

— Покайся перед смертью, что ты съел мои калачи.

— Богом клянусь, не я! — отвечает поп.

Втащили его на вторую ступеньку.

— Сознайся, ты украл мои калачи? — снова спрашивает старичок.

— Право, не я! Ей-богу, не я!

Ввели попа на третью ступеньку, а он опять: не я и не я! Ему голову в петлю, а он всё толмит: не я.

Старичок говорит царю:

— Позволь мне вылечить царевну. Если не вылечу, тогда вели нас обоих казнить, а пока отпусти этого мошенника мне на поруки.

Долго ли, коротко ли, но старичок вылечил дочь царскую. И этот царь наградил его серебром и золотом. Вышел старик из дворца, а поп его уже поджидает.

— Пойдём скорее деньги делить,—говорит.

— Хоть не ты их заработал,—сказал старичок,—но я согласен. Мне-то деньги совсем не нужны.

Пришли в поле. Старик разложил деньги на три кучки. Поп глядит и удивляется:

— Ведь нас двое!

— Третью часть,—говорит старичок,—я отдам тому, кто у меня калачи украл.

— Я украл у тебя калачи!—закричал поп.—Я их съел. Могу клятву дать, если не веришь.

ВАСЯ БАЛАБУРДА

В городе Кунгуре на квартире у одного домохозяина жил Вася Балабурда. За квартиру три шкуры драл с него хозяин. Да и какая квартира? Угол на кухне около умывальника. Хозяин своего квартиранта не только в горницу не пускал, а даже в баню не пускал. Обиделся на него Вася Балабурда и надумал отомстить.

Раз в праздник, при гостях хозяйских взял Вася Балабурда с полки дорогую бобровую шапку хозяина и вышел в ограду. В ограде при всём честном народе Вася приподнял угол амбара, подложил туда шапку и ушёл. Чтобы достать её из-под угла, хозяину пришлось амбар по брёвнышку разобрать.

После такого дела Васю Балабурду с квартиры выгнали. Решил он поехать в губернский город Пермь. А где деньги взять на дорогу?

В Кунгуре один купец торговал солью и мукой. Вася, бывало, работал у него понемногу; вот и пошёл он к нему в магазин за деньгами.

— Рассчитайся,— говорит, —со мной, ваше степенство.

Купец отвечает с усмешечкой:

— Видишь, чугунная плита у дверей лежит? В ней тридцать пудов весу. Если поставишь её на попа́ (на ребро, значит), дам тебе расчёт да ещё прибавлю копейки три. Не поставишь чугунную плиту на попа́—на себя пеняй: ни копеечки не получишь.

Вася Балабурда, ни слова не говоря, поднял плиту, внёс в магазин и положил её на ларь с солью. Купец глаза вытаращил на такое дело. А Вася Балабурда говорит:

— Если дашь десятку, на старое место плиту перенесу, а если не дашь—навсегда она тут на ларе останется.

И пришлось купцу раскошелиться.

В Перми Вася Балабурда поступил на работу в помощники весовщика на чёрном рынке. Это были городские весы, всякую кладь на них взвешивали. При весах было много гирь: пудов сто, а может быть, и двести. К ночи, чтобы мелкие гири-разновесы не украли, весовщик все их соединял цепью.

Целую неделю ворочал Вася Балабурда тяжести у весов, две пары лаптей износил, руки в кровь измозолил. Требует у весовщика:

— Дай мне новые лапти да рукавицы. Самому-то покупать накладно.

— Может быть, тебе перчатки барские купить?—говорит весовщик.—Если у тебя такие руки нежные, в писаря иди. На твоё место хватит дураков.

— Ладно,—говорит Вася Балабурда.—В писари, не в писари, а тебе я больше не помощник.

Ночью все гири вместе с цепью исчезли. Дня три искал их весовщик. Полиция была на ноги поставлена. На-

конец нашли их на берегу Камы. На трёх подводах везли эти гири обратно к весам на чёрном рынке. А ведь он, Вася Балабурда, один утащил их ночью на Каму. Вот какой был силач Вася Балабурда!

Но жить без работы нельзя: с голоду подохнешь. Вот Вася Балабурда и напросился в грузчики на пристань.

Одет он был в домотканую рубаху, на ногах растоптанные лапти, на голове фуражка без козырька, небритый, нечёсаный. Товарищи по работе ему проходу не давали: кто ущипнёт, кто обидное слово скажет. Смеялись над ним все кому только не лень. До смерти надоело это Васе.

Из баржи как-то выгружали железо. Когда грузчики спустились в трюм, Вася Балабурда взял да и захлопнул крышку люка, а сверху якорь положил в семьдесят пять пудов...

Что тут было, сами догадайтесь.

И пошла по городу слава о Васе Балабурде. Все удивлялись его силе, а брать на работу побаивались. Такой чертолом! Даст случайно тычка — так и лапти кверху.

Пришлось Васе Балабурде в Мотовилиху перебираться. Там его наняли медные пушечные лафеты в тридцать пудов с места на место перетаскивать. Платить за десятерых обещали. Когда же пришло время получки, ему уплатили обычную цену. Тогда Вася Балабурда принёс чугунину в пятьдесят пудов и приставил её к дверям заводской конторы. Попробуй выскочи!

Да забрала Васю Балабурду полиция. За оскорбление начальства, за то, что контору чугуниной подпёр.

С той поры неизвестно стало, где Вася Балабурда.

ЖАДНЫЙ РЫБОЛОВ

Жил на реке Каме жадный рыболов Сашка Закамский. Бывало, в жаркий день полный пестерь рыбы наудит, а всё мало ему. Пока сидит с удочками да жадничает, рыба в пестере вся испортится от жары. И несёт он домой за десять вёрст одну тухлятину. А кому это понравится? Людям не нравится, и рыбе тоже.

В омуте на устье Ленвы в ту пору жил мудрый Сом. Когда-то он тоже был жадным, но вот поседел, зубы выпали у него, и стал он пользоваться только малым да необходимым. Схватит, скажем, лягушонка — и доволен, и сыт целую неделю. Рыбы и явились с жалобой к мудрому Сому.

— Батюшка Сом! От Сашки Закамского житья не стало. Портит, гноит нашего брата тысячами, и всё зря. Хочется в уху попасть, а попадёшь в отброс. Сам не ест Сашка Закамский, и другим нет пользы. Мух поганых рыбой кормит...

— Не тараторьте все разом! — остановил их Сом. — Говорите по одному. Пусть сперва Лещ скажет.

Вперёд выплыл степенный Лещ.

— Вчера Сашка испёк на костре леща, жирного. Стал

есть да половину выбросил. У леща, говорит, костей много. Это ли не обида! Я всё сказал.

— Что скажет Плотва-Сорога?

— Что сказать? Сорогу рыболов Сашка Закамский и за рыбу не признаёт. Клюнешь, а он тебя сорвёт с крючка, стукнет головой о кочку — и обратно, неживую, в воду! Мне, говорит, такая мелочь не надобна, я, говорит, не маленький. Наловит плотичек покрупнее — и того хуже! У нас, сами знаете, тело нежное, мы скорей других от жары портимся... Хоть бы солил нас, что ли, Сашка Закамский!

Поднял плавник пёстрый Окунь.

— Говори! — разрешил Сом.

— Сашка Закамский как с нами обращается? Схватишь крючок с червячком, заглотишь поглубже. Нет, чтобы осторожненько достать крючок! Сашка суёт окуню в рот свой грязный палец, жабры разворачивает, голову окунёвую калечит. А ведь рыба с головы гниёт.

Выплыл из тины сонный Карась.

— В прошлом году мы хотели испытать Сашку Закамского. Сговорились клевать ему и по дну, и поверху, на хлеб и на червячков, на пареный овёс и на ряску. Хотелось посмотреть, что он будет делать с нами. Клевали, клевали. Скоро он карасями заполнил берестяной туес, пестерь лыковый, корзину ивовую. И всё ему казалось мало. Снял рубашку, перевязал ворот пояском и полную её, как мешок, набил карасями. Некуда класть рыбу, так готов был штаны снять. А что хорошего? Хотя мы, караси, и живучая рыба, но к вечеру Сашка Закамский всю рыбу проквасил...

— Постой, постой, брат Карась, — остановил его Сом. — Ты — озёрная рыба, как в реке Каме оказался?

— А от Сашки Закамского мы в Каму из озера перешли. Теперь в озере-то нет ни единой рыбки. Одни жуки остались.

— Так. А ты почему молчишь? — спросил Сом Ерша. — Разве тебе ничего плохого не сделал Сашка Закамский — жадный рыболов?

Ёрш растопырил свои колючки и стал говорить:

— Молчал я потому, что со всеми рыбами согласен. А ещё потому молчал, что думал, как бы проучить этого жадного рыболова.

— И надумал? — спросил Сом.

— Надумал, — ответил Ёрш. — Если дозволишь, я его так проучу, что век будет помнить ершовую породу.

— Разрешаю, — сказал Сом и закрыл глаза.

По своим делам ушли из омута рыбы: сорога — мошек ловить, окуни — червей искать, караси — в тине купаться, налимы — по корягам спать, пескари — хороводы водить, язи да голавлики — за кузнечиками-стрекозами гоняться.

Много ли, мало ли дней миновало с той поры, пришёл Сашка Закамский с удочками на Каму и недалеко от омута расположился. Сидит, глядит на поплавки... Вот стали лещики поклёвывать. У рыболова руки трясутся, босые ноги дрожат. Это не от страха у него, не от холода, а от жадности. Лещик с пятачок, а ему в воде кажется — с заслонку. Вот и дрожит.

Потом ерши подошли. Выудит Сашка ерша, сорвёт его с крючка неуважительно и на песок бросит. Уже десятка

три ершей себе под ноги набросал Сашка Закамский, а они, как бешеные, всё клюют и клюют. Не те, конечно, клюют, что на песке, а те, что в Каме.

До смерти надоели Сашке беспокойные ерши. Он хотел уже перейти на другое место, как вдруг поплавок потянуло в сторону, затем на дно, конец удилища в воду окунулся. Сашка чуть с ума не сошёл от радости: крупная рыба клюнула наконец! Но радость была напрасной. Вытащил Сашка Закамский опять ерша, только чуть покрупнее.

Стал Сашка ерша с крючка снимать и обомлел: у ерша-то глаза мигают.

— Нечистый клюнул! — крикнул рыболов и бежать припустился. А под босые ноги колючие ерши попались и, как иглы, впились в тело. Взвыл Сашка Закамский и на четвереньках приполз к себе в деревню. Раны загноились, и Сашка Закамский месяца два больной пролежал.

Осенью мудрый Сом призывает к себе в омут речных жителей. Спрашивает:

— Как живёте? Что поделываете?

— И не говори, батюшка Сом! — в голос завопили рыбы. — Снова появился на реке Сашка Закамский и губит нашего брата пуще прежнего. Хоть в море из Камы уходи.

— Ладно, — говорит Сом. — Плывите по своим местам да пока старайтесь на удочку не попадаться... Идите все, только пусть дядя Судак останется. Мне с ним посоветоваться надо.

Расплылись по своим местам рыбы, а Сом с Судаком стали советоваться...

В одно туманное утро Сашка Закамский устроился по-

выше омута ловить рыбу. И удалось ему выудить небывалой величины, десятифунтового судака.

Такая жадность обуяла Сашку Закамского, что даже пот прошиб. «Штук бы сто таких судаков,— зажадничал Сашка.— А ей-богу, выужу не меньше!».

Посадил судака на кукан. Вырубил удилище покрепче, ивовое. Вместо тонкой лесы привязал толстый шнур. Крючок приспособил вроде якоря. И забросил прямо в омут свою крепкую снасть. Сразу клюнуло.

Сашка упёрся ногами в песок и потянул рыбу на берег. Вдруг ослабла леса, и из воды показалась седая морда самого Сома. Сашка Закамский ошалел от радости. Это, брат, рыбка! Но Сом снова ушёл в глубину. Рыболов тянет на берег, а Сом в омут.

Ему, дураку, Сашке-то Закамскому, надо было бы попуститься, бросить удилище в воду — да куда там! Жадность не позволяет. Он не только руками, но зубами впился в комель удилища. Изо всех сил упирается, поджилки трещат. Уже в воде, а не выпускает из рук удилище. Вот уже по пояс утянул Сом в воду жадного рыболова, а тот всё держится за удилище.

Уже в уши вода заливается.

— Не пущу! Вытащу! — крикнул Сашка Закамский и скрылся под водой. Только пузыри пошли.

ГЛАЗКИ́ В СУПЕ

Вечером в деревню зашли двое прохожих: один пожилой, другой помоложе. Порешили в деревне переночевать. Молодой хотел попроситься в богатый дом, где во всём достаток и спать есть где.

— Иди,—сказал пожилой,—попросись в богатом доме, а я здесь посижу.

Присел он к плетню у самой бедной избушки в деревне, а молодой пошёл по богатым домам.

Вот он постучал в ворота одного богатого дома. Вышла хозяйка.

— Чего надо?

— Не пустишь ли переночевать, хозяюшка?

— Нет у меня для бродяг ни ночлега, ни ужина!—сказала женщина и дверь захлопнула.

Пришлось идти к другому богатому дому. Там тоже не пускают. В третьем богатом доме молодому прохожему чуть по шее не надавали. Закричали:

— Может, ты каторжник какой, или вор, или нищетряс-попрошайка. Иди отсюда!

С досадой вернулся молодой к старшему товарищу. Тот выслушал его и говорит:

— Зайдём в эту избушку, самую бедную.

В бедной-то избе и запоров не было. Вошли. Хозяйка сидела с детьми за столом. Ужин — корка хлеба да жидкий квас.

Бедная хозяйка встретила незваных гостей приветливо. Когда они попросили что-нибудь поесть, сказала:

— Небогато у нас, но накормлю чем найдётся.

Принесла чашку с супом.

— Я бы его лучше приготовила, да масла мало. Не обессудьте, — сказала хозяйка.

Прохожие сели за стол. Старший говорит младшему:

— Сосчитай масляные глазки́, что в супе плавают.

После ужина они полезли на чердак, где хозяйка им постели приготовила. Старший спросил младшего:

— Сколько глазков насчитал в супе?

— Шестьдесят глазков, маленьких, как бисеринки.

Утром пожилой отсчитал шестьдесят рублей и подаёт хозяйке. А она не берёт. Долго пришлось её уговаривать. Чуть не силой отдали деньги.

Пошла хозяйка в соседний богатый дом за молоком, чтобы приготовить гостям хороший завтрак. Рассказала соседке, как щедро наградили её за суп прохожие — дали столько рублей, сколько было глазков в супе.

— Ты пошли-ка своих гостей ко мне, — сказала богатая соседка. — Я тоже постараюсь угостить их. Они, должно быть, хорошие люди.

Позавтракали прохожие в бедной избе — не отказались пойти и в богатый дом.

Богачка сварила для них жирный-прежирный суп.

За столом пожилой сказал молодому:

— Считай глазки́, что в супе плавают.

— Суп такой жирный,—ответил молодой,—что весь жир в нём в один большой глаз слился.

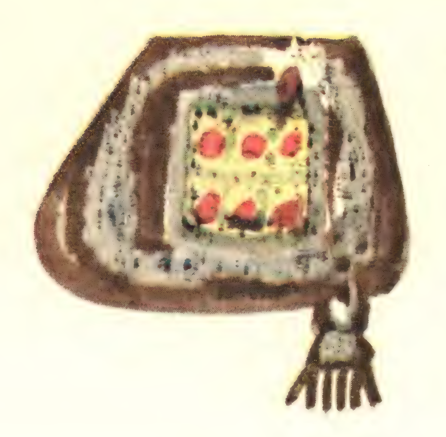
Вот и дали прохожие хозяйке всего один рубль. Та обиделась.

— Сколько глазков в супе, столько и рублей,—объяснил пожилой прохожий.

— Но мой-то суп был много лучше того, каким вас угощала соседка нищая.

— Угощенье от души в шестьдесят раз дороже твоего жирного супа,—ответил пожилой.

От составителя

Вспоминается детство. Русско-японская война отняла отца, большой семьи единственного кормильца. Летом 1906 года пожар уничтожил половину родного посёлка. Живём в соседней деревне у чужих, но добрых людей.

Батрачество, нужда, нищенство — вот что было уделом нашей жизни, моего детства.

Но всё забывалось, когда в сумерки, после трудового дня, бабушка или дед рассказывали нам чудесные сказки.

Мы от души, до слёз радовались героическим поступкам и победам любимых сказочных героев. Мы сами становились богатырями.

Не только малые дети, но и взрослые, старики любили слушать сказки. Во время сенокоса, у костров на берегу родной Камы, в праздники — на деревенских полянках — вокруг сказочников обычно собирались многочисленные слушатели.

Богат сказками наш Урал, наше Прикамье. Их очень много. В этот сборник включена лишь самая их незначительная часть, как печатные варианты, так и несколько рукописных.

Особенно должны порадовать читателя сказки, записанные нашим краеведом, энтузиастом благородного дела Валентином Николаевичем Серебренниковым, светлой памяти которого я и посвящаю этот сборник.

А. Н. СПЕШИЛОВ

ИСКОРКА (Сказка о Пехтимке). Записана В. Н. Серебренниковым (Г. Аргентовым) в бывш. Андреевской волости Оханского уезда Пермской губ. в 1910 г. Сказка напечатана в «Пермском краеведческом сборнике», вып. IV. Пермь, 1928.

СИЛА ВЕЛИКАЯ. Записал Я. Г. Спешилов в с. Слудке бывш. Пермского уезда в 1914 г. Рукопись хранится у составителя.

ВАСЯ БАЛАБУРДА. ДОГАДЛИВЫЙ СОЛДАТ. Записаны составителем со слов В. Н. Серебренникова (Г. Аргентова) в 1940 г. в Перми.

КУРГУЗЫЙ ВОЛК. Сказка записана пермским краеведом И. А. Вологдиным в середине XIX века, опубликована в газете «Пермские губернские ведомости», 1863, и в сборнике Российского географического общества «Великорусские сказки Пермской губернии».

КОЗЁЛ И КОЗЛУШКА. КОЗОНЬКА. ВОЛК И КРЕСТЬЯНИН. СНЕЖУРОЧКА. КОТ, ПЕТУХ И ЛИСА. МОРОЗКО. Из сборника «Великорусские сказки Пермской губернии».

ДУРЕНЬ. Из сборника «Древние Российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым». М., 1878. Как вариант сказка записана составителем в с. Кайгороде Кировской области.

КОРОВА НА БАНЕ. Записана составителем со слов сказочников в дореволюционные годы в верховьях Камы.

УСЫ — УДАЛЫЕ МОЛОДЦЫ. Вариант старинного стихотворения (см. «Древние Российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым»). Этот вариант как сказка записан составителем в 1916 г. в с. Усолье.

СКАЗКА ПРО ДРОЗДА ЕРЕМЕИЧА. По записи В. Н. Серебренникова (Г. Аргентова). Рукопись хранится у составителя.

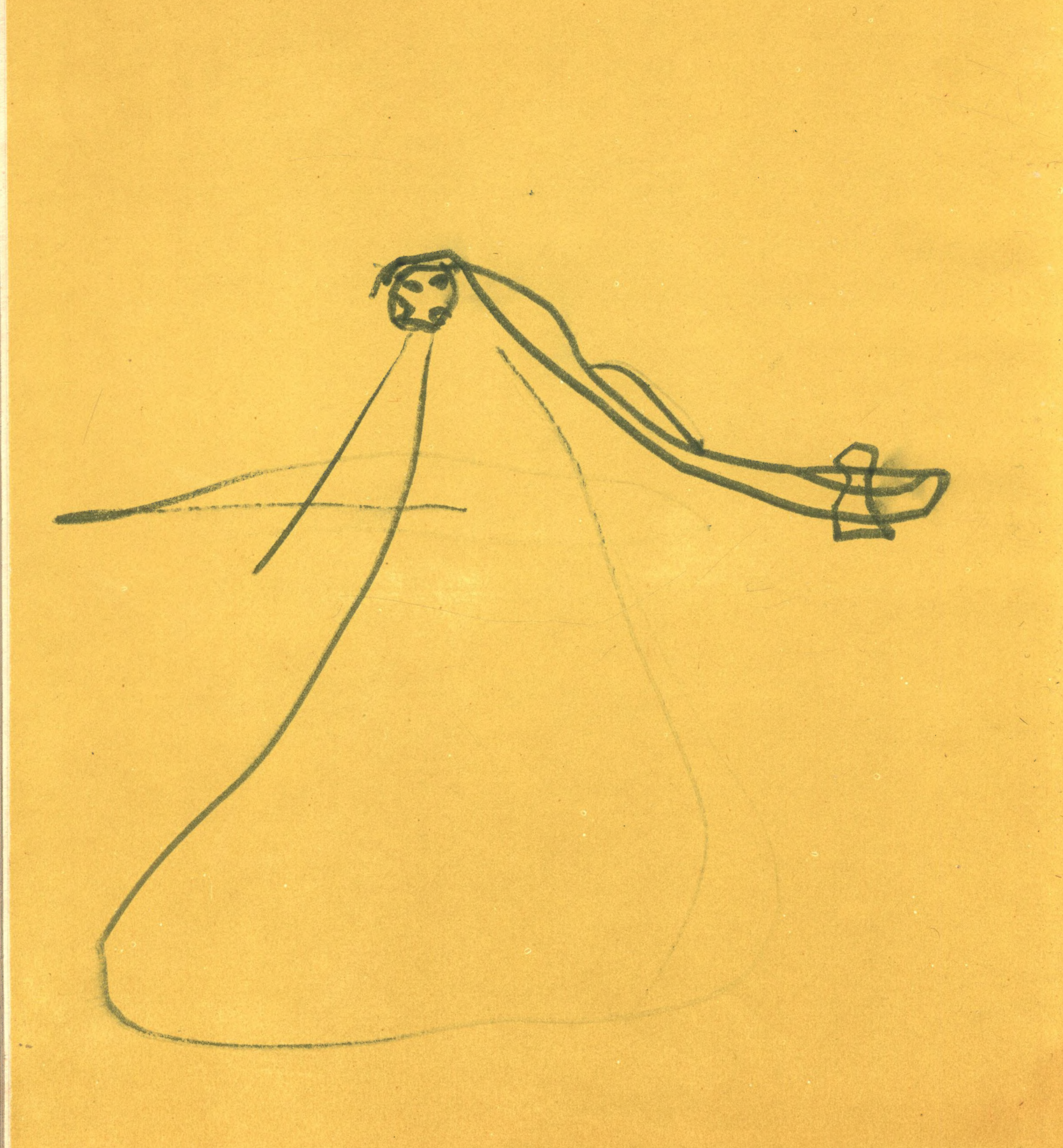
СОЛДАТ И ЧЕРТИ. ГЛАЗКИ́ В СУПЕ. РУЧНАЯ МЕЛЬНИЦА. ГЛАЗА ЗАВИДУЩИЕ, РУКИ ЗАГРЕБУЩИЕ. Из собрания А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды».

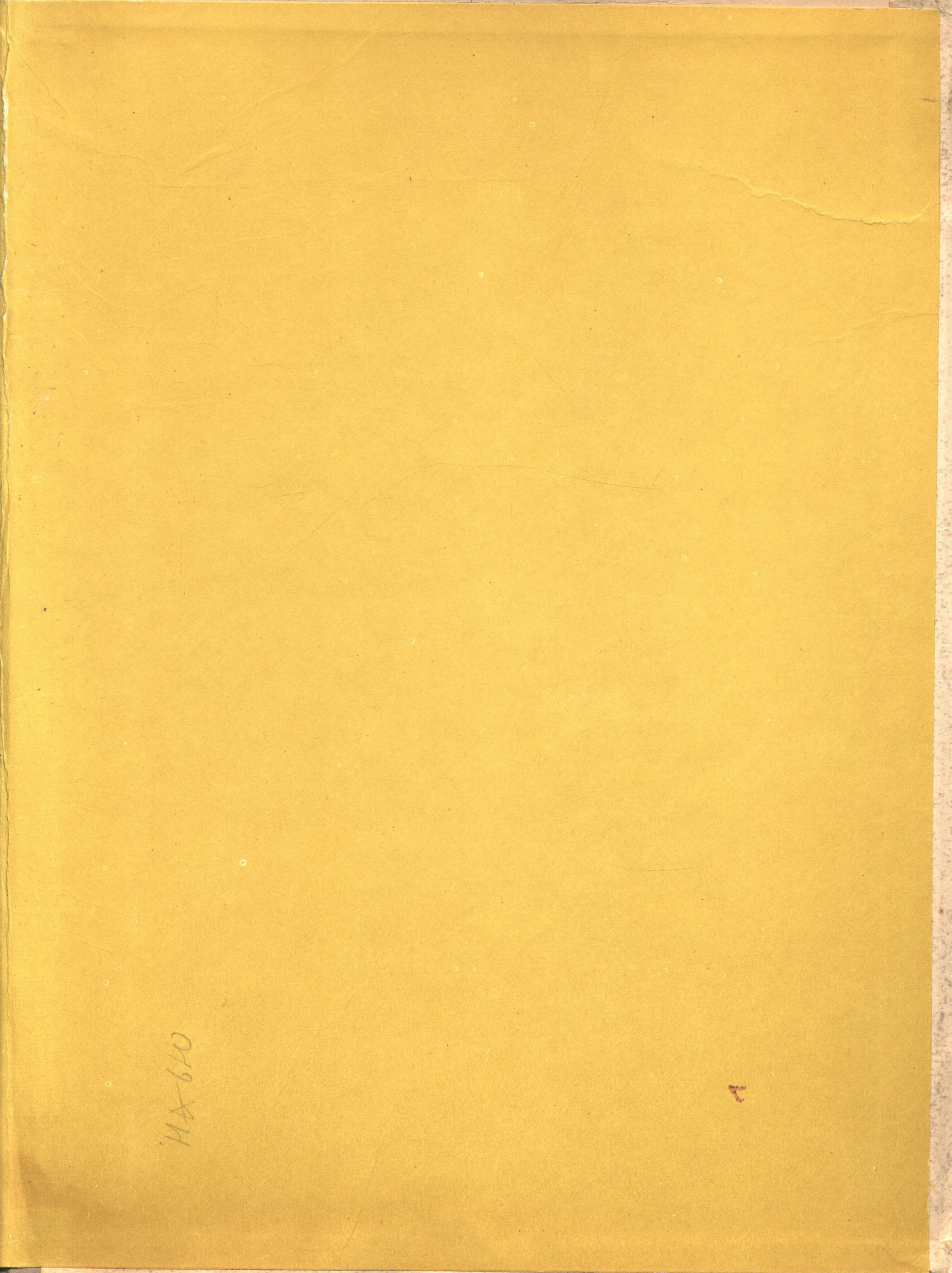
ЖАДНЫЙ РЫБОЛОВ. Записана составителем со слов известного в верховьях Камы рыболова Якова Степановича Ховрина в 1918 г. в деревне Тупице Слудского сельсовета Ильинского района Пермской области.

Сказки Прикамья

Редактор А. Зебзеева
Художественный редактор М. Тарасова
Технический редактор Т. Дольская
Корректор Л. Крамаренко

Сдано в набор 30/VIII 1968 г. Подписано в печать 12/III 1971 г. Формат бумаги офсет. № 1 60×90¹/₈. Печ. л. 11,5; бум. л. 5,75; уч.-изд. л. 5,904. Тираж 200 000 экз., первый завод 67 000 экз. Цена 70 коп. Зак. 6530. Пермское книжное издательство. Пермь, Карла Маркса, 30. Типография газеты «Звезда». Пермь, ул. Дружбы, 34.

70 коп.

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1971